

...Умей жить и тогда, когда жизнь становится НЕВЫНОСИМОЙ

Сегодня исполнилось бы 100 лет Николаю Островскому

Сначала мы услышали, что это не он, Николай Островский, написал свою, так потрясшую людей книгу - хотели разоблачать старые мифы, а рождали новые. Потом прочли о нем сокрушительное: «слепой фанатик», «символ тоталитарной эпохи», - и не пытаюсь даже пробиться сквозь официально-советскую иконопись к живому человеку. Потом узнали, что книга «Как закалялась сталь» исключена из школьной программы. Это, последнее, думается, к лучшему - не по книжке же Льва Аннинского, одного из самых тонких и честных наших критиков, - умному, трепетному и живому анализу романа, - постигали бы юные Павку Корчагина. По тем каноническим веригам, под которыми книга Островского была погребена. А он сам превратился в мумию.

Слово «мумия» прозвучало в очерке Кольцова «Мужество» в «Правде» в 1935 г. И хотя оно относилось лишь к внешнему облику Островского, подчеркивая ужас опрокинувшей его в глубокую неподвижность болезни, и именно с кольцовского очерка началась оглушительная всеобщая, а потом и мировая слава Островского, сам он, рассказывал мне его друг Петр Новиков, был больно задет этим словом. Островский будто предчувствовал время, когда для многих он и в самом деле станет мумией. И как мог сопротивлялся этому.

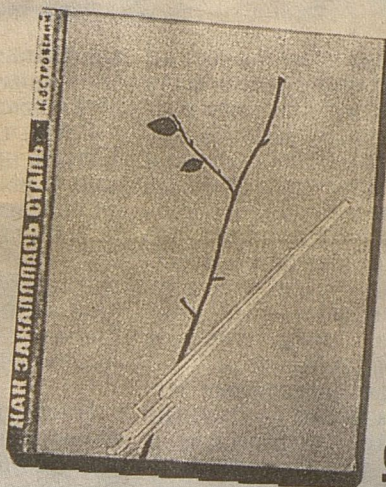
Однажды, недовольный некоторыми семейными сценами романа, какой-то критик написал, что они способствуют «разжижению гранитной фигуры Павки Корчагина». Николай был возмущен - гра-

нит не строительный материал для живого человека. Назвал статью «вульгарной»: «Сердечно болен, однако отвечаю ударом сабли». Одна из его добровольных секретарей, Мария Барц, оставила нам свидетельство того, что его беспокоило при диктовке: «По-человечески ли получилось? Не лубочно ли? Не слишком ли ортодоксален Павел Корчагин? Не плакатен ли?» Думал ли писатель, что ортодоксальность и плакатность закроют от нас его самого?

Буфетный мальчик, лихой кавалерист, строитель какой-

лю», - отмечала жена. Да в его библиотеке было не две - две тысячи книг! А начиналась она, по свидетельству матери, с журнального листа, в который хотели завернуть ему сеledку, но он принес сеledку, держа за хвост, а журнальный лист положил на полку... «Я очень изменился?» - спросил Островский Марту Пуринь, своего давнего друга, при новой встрече. «Да, - ответила она, - ты стал образованным человеком».

«Я имел однодневную беседу со Львом Толстым, много беседовал с Антоном Чеховым и Николая Островского я ставлю третьим. Такая необычная культура, такое необычайное проникновение в правду жизни, такая способность понимания, что такое искусство». Это сказал Всеволод Мейерхольд. Такого О-

«По-человечески ли получилось? Не слишком ли ортодоксален Павел Корчагин? Не плакатен ли?» - беспокоился писатель

то узкоколейки - и подобные интеллигентские писательские заботы? Обычно, говоря об Островском, упоминают две книги: «Овод» и «Гарибальди». И мало кто знает, что уже в юности он читал друзьям стихи Брюсова, приехав к Новикову, проглотил «Илиаду» Гомера, «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского. «Принесенных стоп в 20 - 30 книг ему едва хватало на неде-

тровского мы не знали, не правда ли?

Мейерхольд поставил спектакль о Павке Корчагине. По инсценировке романа, сделанной Евгением Габриловичем. За несколько лет до своей смерти Евгений Иосифович Габрилович рассказал мне, какое это было грандиозное зрелище: «На просмотр зал взорвался овациями! Это было так гжуче, так потрясало! То была торжественная трагедия». Трагедийность той эпохи мы хорошо видим сегодня. Тогда видеть ее было запрещено. Ведь «жить стало лучше, жить стало веселее»... Спектакль запретили. «В предвкушении успеха и жажде славы, - подтрунивал над собой Габрилович, - я подписался на газетные вырезки о спектакле «Одна жизнь». И долго потом, целый год отовсюду получал статьи о том, как мы с режиссером оклеветали Николая Островского».

Клеветой, наверное, посчитали бы и некоторые факты биографии Островского. И потому тщательно скрывалось то, что отец его был унтер-офицером с двумя Георгиевскими крестами, потом сидельцем в винной лавке, а кто-то из родных - священником, и то, что какие-то родственники были за границей, а жена, верная Раиса - живая, молодая женщина - стала женой брата Николая. Как смела?

Вот он, удивительный портрет кисти Фогелера, который многие годы валялся в запасниках.

Так грунтовались краски для плакатного портрета Островского. Живописное его изображение, растиражированное во всех его книгах и книгах о нем, вполне плакату соответствовало: лицо, разрушенное болезнью, точнее, ею скованное - как истина в последней инстанции, как догма. Оригинал кисти художника Яр-Кравченко висел в музее, в Москве. «Мне первому и единственному, - написал художник в своих воспоминаниях, - выпала честь запечатлеть образ выдающегося писателя». Остро пожелалось, что единственному... И вдруг в книге Раисы Порфирьевны Островской наткнулся на фразу: «Живописный портрет работы Фогелера...» С тех пор прошло 30 лет, но хорошо помню шок, который испытала - я только что прочитала большую журнальную публикацию нашего корреспондента в Австрии Елены Брусковой об этом художнике! Один из лучших представителей стиля модерн, имя которого входит во все учебники по этому направлению искусства, считавший своим учителем Сандро Боттичелли, друг поэта Рильке, - и вдруг Островский? Но где портрет? Выстраиваем с Брусковой сложную цепочку поисков... а портрет оказывается под боком! В московском музее Островского. Мы находим холст Фогелера, который рад был бы заполнить любой музей мира, в запаснике, среди такого живописного хлама, в основном прославляющего Сталина, что просто диву даешься...

Стираем пыль - ничего от фанатика, от истины в последней инстанции. Мягко, задумчив, грустен, пожалуй. Потом не раз мы звонили в музей - но Фогелера все не выставляли. Несовпадение с принятым образом мешало?

Сегодня портрет Николая Островского работы немецкого художника Фогелера висит в музее. Там теперь много нового. Но не стал ли он сам лишь музейной фигурой?

Юные посетители музея Островского спрашивают: «А почему он все время лежит?» Не надо заставлять их читать его книгу, не надо насаждать его самого, как насаждали раньше, - но не знать, забыть совсем? «Обрученный с идеями» - назвал свою книгу Лев Аннинский. Идея, которой так жертвенно-исступленно был предан Островский, ушла, но значит ли это, что из нашей памяти должен уйти он? Да, в его облике можно обнаружить иные родимые пятна сегодня нами отрицаемого. Но воспоминанием предупреждение поэта-мудреца Наума Коржавина о том, что сквозь то трудное время «совершенно целым не прошел никто». Задумаемся - отчего так преклоненно восхищались Островским его идейный противник, автор антисоветских памфлетов Андре Жид? И Андрей Платонов в своем «Котловане» и «Чевенгуре», явно Островскому противоположный, написал о нем так высоко?

Они оценили его самоотверженное стремление к идеалу. Вот этого-то стремления нам явно сегодня не хватает. Пустота. Вакуум. Да цинизм. Не они ли выталкивают молодых в радикализм, как левый, так и правый? «Идеал» сегодня - это название торта. Да что торт... Вот передо мной не пожелтевшая еще газетная вырезка - о ресторане «Павел Корчагин». («Где-то в джунглях Чертаново»). Там подают пельмени «пайковые» - с черной икрой. А «под холодное пиво «Гиннесс» хорошо смотреть на официанток «топлес» в красноречивых буденовках... Говорят, человечество расстается с прошлым, смеясь. Мы смеемся. Но под такой смех наше прошлое очень скоро может стать нашим будущим. Мы так смеемся, что вприору и заплакать.

Но лучше вспомним его, Островского, слова: «...Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой».

Инна РУДЕНКО.

Николай Островский с женой Раисой за год до смерти.

Островский Н. О.

29.09.04